

Константин Паустовский «Грач в троллейбусе»

Была еще та ранняя весна, когда о приближении тепла можно догадаться только по едва заметным признакам: по туману на московских улицах, по каплям этого тумана, стекающим с черных веток недавно посаженных лип, и по рыхлому ветру. От него оседает и становится ноздреватым снег. Но этот последний признак, пожалуй, к Москве не относится. Снег в Москве к концу марта остается только в некоторых дворах, а на теплом асфальте его уже давно нет. Зиму в Москве собирают машинами-конвейерами на самосвалы и вывозят без остатка за город.

Тот случай, о каком я хочу рассказать, произошел в троллейбусе номер пять.

Москвичи, как известно, в троллейбусах и автобусах разговаривают мало, а больше читают. И в том троллейбусе номер пять, который отошел от остановки на Театральном проезде, тоже было обычное настроение. Но вдруг кондукторша крикнула:

— Погодите! Что же это такое?

— Это грач, — испуганно сказала девочка лет восьми.

Грач сидел, угревшись, под пальто на груди у девочки и только на минуту высунул из-под пальто свой нос. Но этого было достаточно, чтобы бдительная кондукторша заметила в троллейбусе птицу, запрещенную к перевозке.

— Если его нельзя везти, так я слезу, — сказала девочка и покраснела.

— Что ты, дочка! — воскликнула кондукторша, перестала давать билеты и протиснулась к девочке. — Сиди, не беспокойся. Ой какая птаха хорошая! Что это? Неужели грач?

Грач осмелел и выглянул. Кондукторша осторожно погладила его пальцем по точеной головке и засмеялась.

— Не бойтесь, он не кусается, — сказала девочка и вся засияла. — Он очень серьезный, но добрый.

— Какой же это грач, — сказал старик с картонной папкой, — когда это скворец.

— А вы, гражданин, если не знаете облика птиц, так не утверждайте, — ответил пожилой человек в форме железнодорожника.

— Где нам в Москве знать про птиц... — вздохнула старуха в платке. — Нам что грач, что скворец, что воробей или стриж — все равно.

Пассажиры начали вставать, тесниться около девочки. Каждый пытался погладить грача. Грач гладить себя давал, но посматривал на всех презрительно и высокомерно.

Сквозь толпу с трудом продирался от выходной двери назад плотный суровый генерал.

— Куда это вы, товарищ генерал, — заметил худой юноша без кепки, — против течения?

— А я к грачу, молодой человек, — ответил генерал и повторил внушительным голосом:
— К грачу!

Генерал протиснулся к девочке, взял у нее грача, подержал его на ладони, как бы взвешивая, возвратил девочке и сказал:

— Куда же ты его везешь?

— В зоопарк. Там я его выпущу.

— У нас на реке Сейме, — неожиданно сказал молоденький лейтенант и почтительно посмотрел на генерала, — настоящее пернатое царство. Грач, конечно, птица умная и самостоятельная, но голоса у нее нет. А у нас — соловьи. Мировые соловьи. Весной наш край по ночам весь поет.

— Вы про профессора Мантейфеля слышали? — спросил генерал лейтенанта.

— Так точно, слышал, товарищ генерал!

— Каждую птичью повадку знает. И может объяснить. Ну а насчет всяких колен, пересвистов, перезвонов, трелей, чохов и всей прочей птичьей музыки нет такого другого знатока и любителя в Советском Союзе. Просто волшебный старик!

— Вы здесь сходите? — спросила генерала молодая женщина со смеющимися глазами. — Или остаетесь?

— Я на следующей остановке сойду, — ответил генерал, нисколько не смущаясь вопросом молодой женщины. — Подумаешь, важность — пройти два квартала обратно. Я, знаете, был свидетелем одной удивительной истории. Под Ленинградом во время войны. Весной это было. Прилетели скворцы и вьются, кричат над своими скворечнями. А скворечни, как на грех, в пустой полосе между нами и фашистами. Так те открыли по скворцам огонь из автоматов. Их, видите ли, беспокоил крик скворцов. Нервные попались молодчики. Тогда не выдержало у наших сердце. «Ах так!» И открыли наши бойцы по фрицам такой огонь, что те мигом затихли.

— Вступились, значит, за скворцов, — сказала кондукторша. — Так я и подумала, как только вы начали рассказывать, товарищ генерал.

— А как же! Ведь скворец с древних времен сопутствует русскому человеку.

— Кондуктор! — крикнул сердитый голос. — Почему не даете билетов?

— Сейчас, — ответила недовольно кондукторша. Она все еще стояла около девочки и гладила грача по голове. — Сердца никакого нет у людей!

— А вы потише, гражданин, — сказала старуха недовольному пассажиру.

— Весна, значит, скоро... — вздохнул железнодорожник. — Черемуха зацветет. И полетят птицы над Россией, понесут свои песни.

— Ну, мне все-таки пора выходить, — сказал генерал. — До свидания, товарищи!

Все попрощались с генералом. Он вышел, чему-то улыбаясь, и так, улыбаясь, и пошел по улице к давно пропущенной остановке.

А пассажиры еще долго говорили о граче — предвестнике весны, о картине Саврасова «Грачи прилетели», о том, что Москва постепенно превращается в сад, где будет привольно всякой птице, и скоро весь город будет с утра до ночи звенеть от птичьего пения.

— Как это удивительно у нас получается, — сказал старик с картонной папкой. — Правительство заботится о благе людей, а от этого блага, глядишь, и перепадет кое-что даже певчим птицам.

— Так и должно получаться, — убежденно ответил худой юноша без кепки.

— Истинно так! — сказала старуха в платке. — Я это по себе знаю.

Но тут уже начинается другая история, которую я расскажу как-нибудь позже.